

всего континуума человеческого опыта возникает опыт, который может быть предметом науки, т. к. он очищен от протенции.

Понимание повседневного опыта, как представляется, должно учитывать протенцию. Соответственно, основой когнитивного стиля обыденного сознания, по всей видимости, является трансдукция, описанная Ж. Пиаже.

В данной работе изложены лишь самые общие соображения к трактовке обыденного сознания как способа интенционирования. Глубокая рефлексия этого феномена и идеирование когнитивного стиля повседневности как функции протенции — перспектива дальнейшего исследования.

Библиографический список

1. Варела Ф. Х., Матурана У. Р. Древо познания : биологические корни человеческого понимания. М., 2001.
2. Лоренц К. Основы этологии М., 1995.
3. Фриш К. Пчелы, их зрение, обоняние, вкус и язык. М., 1955.
4. Husserl E. Vorlesungen zur Phenomenology des inneren Zeitbewusstsein. Halle, 1928.
5. Pierson H. The Sensations: Their Functions, Processes and Mechanisms. L., 1952.
6. Uxkull Ja. Umwelt und Innenwelt der Tiere. B., 1921.

ББК 87.3(2)

Д. Г. Смирнов

НЕЗНАКОМЫЙ В. И. ВЕРНАДСКИЙ: ЭМПИРИЧЕСКАЯ СЕМИОТИКА ВСЕЛЕННОЙ

Вынесенная в заглавие проблема — семиотика В. И. Вернадского — новая для современных семиосферологии и ноосферологии. Имя выдающегося мыслителя с мировой известностью в научной среде традиционно связывается с учением о биосфере, о живом веществе и принципах его функционирования в живой оболочке Земли. Вместе с тем в его научных трудах по кристаллографии, биогеохимии, истории науки обнаруживается пласт материала, который до сих пор остается *незнакомым* исследователям мира Вернадского.

Познание Вселенной, пригравшей человечество, одна из самых сакральных задач и богослова, и философа, и ученого. Мировая культура, начиная со времен Гермеса Трисмегиста, дает много примеров того, как надо смотреть на мировой Космос и видеть его, как надо слушать и слышать тонкие движения мировой души, как воспитывать и использовать в своем отношении ко Вселенной «вселенское чувство». Дополнительность гносеологических, эпистемологических и когнитивных подходов к гармоническому познанию Вселенной может быть лишь сейчас понимается «техногенным человечеством» как сверхзадача глобально-вселенского бытия, вошедшего в новое тысячелетие человека.

Творчество В. И. Вернадского в этом смысле носит рубежный характер — его нельзя рассматривать в контексте уже известных (и даже отживших свое) научных картин мира и философских парадигм, оно представляет собой новое — ноосферное видение мира, в котором слились и древние мифы, и философский герметизм, и эмпирическая наука. Но для современного мировоззрения

© Смирнов Д. Г., 2009

III тысячелетия очень важно, чтобы последнее (эмпирическая наука) рассматривалось не в утилитарном, узком, а в широком, философском смысле слова.

Открытие эмпирической семиотики, понимание и познание мира через предметно-знаки — уникальная особенность мышления В. И. Вернадского, доставшаяся ему по наследству от древнейших пластов мировой культуры и не потерянная в условиях техновзрыва прошедшего «века-волкодава».

Семиотика В. И. Вернадского — это феномен, который в течение долгого периода был скрыт от исследовательской мысли российских ученых, но пришло время, когда Вернадский как ученый-эмпирик оказался в тени Вернадского теоретика: сейчас мы отчетливо видим, что его научная методология и философия науки имплицитно содержат размышления о знаках, символических и семиотических феноменах.

**Творчество В. И. Вернадского:
прямая и обратная семиотическая перспектива**

Исследования В. И. Вернадского по истории научного знания [9] и труды по биогеохимии [5], по мнению Вяч. Вс. Иванова, обнаруживают широкую семиотическую перспективу, которая наиболее ярко отразилась в «семиотической книге “Научная мысль как планетное явление”, законченной в 1938 году» [13, с. 690]. Сходные мысли мы обнаруживаем у Я. В. Сиверц ван Рейзема, который ведет речь о ноосфере В. И. Вернадского, ее культурно-цивилизационных и семиотических последствиях [19, с. 235—243].

Биографы В. И. Вернадского, внимательно изучавшие жизненный путь ученого, убедительно свидетельствуют о наполненности его сознания и мышления многообразными знаковыми формами. Украинцу и поляку по крови, но русскому по рождению, ему довелось родиться в самом *семиотически сложном* городе царской России — Санкт-Петербурге, в пространстве которого смешались и столкнулись различные мировые культурные традиции, поэтому в миро-сознании В. И. Вернадского навсегда сохранился отпечаток столицы «культурного разнообразия» российского мира того времени.

В городе на Неве Володя Вернадский провел 5 лет, годы в которые восприимчивый детский мозг имеет удивительное свойство — запоминать практически все, даже мало-мальски значимые вещи. По меткому выражению Р. К. Баландина, если детство человека — это предисловие к его взрослой жизни, «детство Вернадского — предисловие к его творчеству» [3, с. 41]. Возможно, именно этот момент в биографии будущего ученого предопределил семиотическую энциклопедичность его мышления.

Жизнь ученого изобилует непрерывными поездками и путешествиями. Еще в студенческие годы В. И. Вернадский хотел совершить по окончании обучения кругосветное путешествие. Этой мечте не суждено было осуществиться, но оказалось, что вся его более чем 80-летняя жизнь — это единое кругосветное вселенское путешествие. Именно этот гигантский опыт бытия в настоящем и прошлом (как геолога) дал мыслителю предметно-эмпирический багаж планетарного масштаба. Сознание В. И. Вернадского представляло собой своего рода «перенасыщенный раствор» знаков, феноменов, предметов, сущностей, в конце жизни кристаллизовавшихся в учение о ноосфере.

Знаковое (семиотическое) сознание ученого имело и верхний этаж — языковое измерение. Как указывает в своей работе Р. К. Баландин, В. И. Вернадский «читал на пятнадцати языках и на нескольких писал» [4, с. 52]. Такая

лингвистическая подготовка говорит о семиотической открытости личности новому знанию. Талантливость к языкам напрямую свидетельствует об уникальной способности к освоению различных знаковых систем естественного и искусственного происхождения.

Структура сознания Вернадского, с одной стороны, формировалась многообразием эмпирических данных, фактов, а с другой — природной языковой одаренностью, что впоследствии определило становление семиотического и семиологического уровней семиосознания мыслителя.

Геологическая семиотика

В. И. Вернадский не случайно избрал отправным пунктом своей научной деятельности изучение «каменной» природы. Наука в действительности изучает «что» и «как» было: чтобы понять современное состояние окружающей реальности (природы и общества), нужно начинать с ее геологической истории.

Г. П. Аксенов приводит довольно показательный пример, касающийся чтения В. И. Вернадским лекций по минералогии и кристаллографии в Московском университете в 1891 году. Одна из слушательниц женских курсов Л. В. Васильева вспоминала: «Мы ждали его лекций как праздника. Они оживили мертвую природу. Камни заговорили» (цит по: [1, с. 76]). В застывшем каменном мире молодой ученый ощутил биение жизни. Мертвые камни действительно рассказывали об истории планеты. Камни из незнакомых превратились в знакомых, то есть смогли заговорить в человеческом сознании, указывая на ранее скрывавшееся от человеческого взора. Вернадский стал обстоятельно исследовать «жизнь» минералов. Оказалось, что «каждый минерал многолик: он и химическое соединение, и (обычно) кристалл, и геологическое тело, и продукт определенных реакций, и наследие некой геологической эпохи, и полезное ископаемое» (см.: [3, с. 55]). Эта многоликость минералов очень походит на многозначность слов естественного языка, полисемантическую и иных невербальных знаков.

Камни стали для В. И. Вернадского знаками, геологической «памятью Земли». Истоки такого «новаторского» подхода к минералогии и кристаллографии мы можем обнаружить в детские годы будущего ученого. Одной из любимых книг Вернадского была хрестоматия «Великие явления и очерки природы», которая начиналась со вступительной статьи американского геолога Георга Марша «Влияние человека на природу». В ней есть слова, которые во многом объясняют семиотический подход ученого: «Сделавшись “сознанием Земли”, достойным своего призвания, человек тем самым берет на себя ответственность в гармонии и красоте окружающей его природы» [3, с. 41].

Идея человека как «сознания Земли» красной нитью будет проходить через все творчество В. И. Вернадского. «Память Земли» он постоянно будет расширять, включая туда все новые и новые области знания: к почвоведению, кристаллографии и минералогии добавятся геохимия, биогеохимия, которая впоследствии перерастет в биосферологию, и «культурная биогеохимия», трансформировавшаяся в конце XX века в ноосферологию.

Наиболее ярким примером этого этапа в юношеских научных изысканиях Вернадского может считаться эпизод, связанный с именем английского натуралиста Карутерса, который описал свое наблюдение перелета тучи саранчи с берегов Северной Африки в Аравию. Вернадский, занимавшийся в то время составлением перечня геологических единиц в Минералогическом

музее, сначала не придавал сообщению в английском журнале «Природа» особого значения. Но что-то непонятное заставило его вернуться к статье и сделать выписку, как он обычно это делал с заинтересовавшими его данными. Так забрезжил «новый свет», из этого эмпирического факта стала постепенно вырастать картина мира, в которой жизнь играет «первую скрипку», — будущая биосферная картина мира.

Этот период в творчестве Вернадского вполне справедливо можно назвать «геологической (натурфилософской) семиотикой». Здесь предметом семиотического анализа становятся в первую очередь минералы.

Биосферная семиотика: логика вещей versus логика понятий

В начале 20-х годов XX века эмпирический багаж 57-летнего ученого был настолько велик, что он не мог не вылиться в фундаментальные модели теоретического синтеза. С точки зрения современных представлений о синергетике для этого необходим был «толчок», который в значительной степени был связан с мировой войной, революцией и гражданской войной в России. Экзистенциальным событием для мыслителя стало пограничное состояние, связанное с заболеванием тифом, о котором рассказывает Г. П. Аксенов. В феврале 1920 года, когда в течение трех недель ученый находился в критическом состоянии между жизнью и смертью, в его мировоззрении произошел переворот. «Это было интенсивное переживание мыслью и духом чего-то чуждого окружающему, далекого от происходящего» [1, с. 243].

Именно тогда, по мнению Г. П. Аксенова, Вернадский уяснил, что «истина, даже научная, логическая истина, не дается человеку как последовательный вывод из ряда научных умозаключений. Она приходит внелогическим путем. Истина не “думается”, она переживается всем существом, всей душой, всем мучительством личной жизни» [1, с. 252—253].

С 1921 года начинается новый этап в творчестве Вернадского, который имеет важное семиотическое измерение, — постепенно складывается «биосферная семиотика». Он охватывает период до середины 30-х годов. Здесь главным инструментом исследования биосферы становится эмпирическое обобщение, знаменующее оформление новой для философии науки XX века логики и методологии естествознания.

Этот период развития семиосознания В. И. Вернадского связан с пристальным вниманием ученого к философскому творчеству Ч. С. Пирса (1839—1914) — отца-основателя американской семиотической традиции, собрание сочинений которого вышло в 1931 году [17]. В 1935—1936 годах, как указывает И. И. Мочалов, В. И. Вернадский «много размышляет над проблемами логики и методологии научного творчества, научного языка и научной терминологии». В связи с этим «расширяется круг его философских интересов (философия Ч. Пирса, философские течения Индии и др.)» [15, с. 296]. Первое упоминание о Пирсе в дневниковых записях мыслителя относится к 1936 году.

«В Лондоне в 1936 году совершенно случайно столкнулся с философией Ч. Пирса, которая меня заинтересовала потому, что в одной из небольших его брошюр я нашел очень для меня тогда новое положение, что логика у Демокрита гораздо более подходит к логике естествознания, чем логика Аристотеля. У Демокрита — логика вещей, у Аристотеля — логика понятий...» (цит. по: [15, с. 309]). По этому поводу есть занимательная запись в дневнике:

«Удивляюсь, что я ясно понимал это в 1932 году — я думал, что *впервые* понял это, когда <...> прочел Пирса о логике Аристотели и Демокрита» [6, с. 321].

Особое внимание на изучение В. И. Вернадским творчества Ч. С. Пирса в связи с необходимостью выяснения логики естествознания обратил Г. П. Аксенов [2, с. 280—281, 291]. Этот сюжет интересует его с общеметодологической точки зрения, в частности, применительно к проблеме пространства-времени в научном творчестве В. И. Вернадского.

Г. П. Аксенов полагает, что В. И. Вернадский в своих дневниковых записях ведет речь о двух небольших мемуарах Пирса, а именно: «Как сделать наши идеи ясными?» и «Что такое прагматизм?» [2, с. 291]. Ученый анализирует высказывания В. И. Вернадского больше в контексте прагматизма как философского течения, а не собственно семиотики. Однако трактовка мыслей ученого через призму семиотического видения мира позволяет проследить фундаментальную связь между концепцией биосферы и теорией ноосферы, которые в итоге слились в учение о переходе биосферы в ноосферу. Вспомним здесь ставшую знаменитой фразу Ч. С. Пирса: «Вся Вселенная перегружена знаками, если только она не состоит исключительно из знаков» (цит. по: [18, с. 46]).

Подход, сформулированный в этих семиотических исследованиях Ч. С. Пирса, а также психолого-педагогических работах Дж. Дьюи (одного из авторов концепции философского прагматизма), наводит В. И. Вернадского на важные мысли по поводу обоснованности его логического подхода к процессам, протекающим в биосфере и связанным с ее переходом в ноосферу.

Именно в 1932 году В. И. Вернадский запишет на страницах своего дневника: «Сейчас я *отбросил философию* и взял ее как *эмпирическое научное обобщение*» [6, с. 321], хотя представление об эмпирических понятиях и обобщениях, по его собственному признанию, было введено в научный оборот гораздо раньше, еще в 1926 году. Интересно, что именно в этом году ученый впервые при открытии Комиссии по истории знаний вводит понятие о ноосфере [там же].

В. И. Вернадский одним из первых в истории мировой науки осуществил научное семиотическое исследование. «В научном охвате природы, — писал ученый, — исходят из <...> основного положения — о причинной связи всех явлений окружающего, сводят все явления к единому. Существование факторов, "от среды" независимых, в науке не принимается, исходя из признания единства реальности, единства космоса» [7, с. 46]. Получается, что все многообразные явления природы указывают в конечном итоге на некое единое означаемое, которое скрывается от разума человека за этими знаками Вселенной. Возникает образ гигантской космопланетарной пирамиды знаков Вселенной (Универсума). Введенный В. И. Вернадским термин «эмпирическое обобщение» может рассматриваться как семиотическая трактовка знаков («обобщение знаков») биосферы (ноосферы) в рамках научной парадигмы знания.

Позднее В. И. Вернадский возвращается к проблематике логики естествознания в своей «книге жизни» — «Химическое строение биосферы Земли и ее окружения» (работа над ней началась в 1935 году) — в научной плоскости. «Напрасно мы стали бы искать изложения современной логики естествознания. Можно сказать, что ее нет. И если бы мы захотели задуматься над этим, то нам бы пришлось оставить в стороне огромную работу, которая идет и происходила в течение поколений в этой области, неправильно относимую к философии, и обратиться к Демокриту за несколько столетий до Аристотеля, основы логики которого более отвечают логике естествознания, чем логика, с

которой имеют дело современные натуралисты, построенная без их участия, и корни которой идут к Аристотелю» [10, с. 163].

И далее ученый размышляет над обнаруженным логическим несоответствием: «Демокрит, логика которого до нас не дошла, строил ее как логику вещей, т. е. реальных природных тел. Аристотель, хоть крупный натуралист, строил свою логику на логике понятий о вещах. Настоящая логика естествознания есть логика вещей, т. е. логика природных тел. Понятие о них иногда меняется чрезвычайно быстро» [там же].

Наиболее полное выражение логико-методологические поиски В. И. Вернадского нашли в его работе «О логике естествознания» (см.: [8, с. 99—102]), относящейся к более раннему периоду. В ней ученый делает важный вывод: «Логика естествознания, имеющая своей конечной задачей научное познание окружающей человека природы, прежде всего той планеты, на которой человек живет, — Земли и той ее среды — биосферы — области его жизни, с которой стихийно и неразрывно связан человек и его сообщества. Это познание тем глубже, чем больше человек может пользоваться одинаково двумя путями научного искания — *научным наблюдением и научным опытом*. И то и другое искание является в логике естествознания по существу *неизбежно эмпирическим*» [там же].

Однако В. И. Вернадский интуитивно ощущает, что логика, пусть даже не Аристотеля, а Демокрита, не может считаться универсальным инструментом познания окружающей реальности.

Ноосферная семиотика

Идеи В. И. Вернадского о сфере труда и разума цивилизованного человечества, взятые как семиотическое исследование, формируются в лоне французской и русской религиозно-философских традиций: представлений П. Тейяра де Шардена (1881—1955) о ноосфере и идей П. А. Флоренского (1882—1937) о пневмосфере, которые также были наполнены глубоким знаково-символическим содержанием.

Поворотным, на наш взгляд, в этом отношении оказывается письмо П. А. Флоренского В. И. Вернадскому от 21 сентября 1929 года. В нем выражена мысль о неотъемлемой включенности знаковых и символических форм в космопланетарные процессы. П. А. Флоренский неоднократно подчеркивает, что В. И. Вернадский занимается «наукой о космосе», который «почти ограничивается биосферой». В письме философ развивает идею В. И. Вернадского об особой изотопичности живого вещества в контексте учений платоника Ксенократа, епископа Немезия и идей Григория Нисского, который развивает теорию сфрагидации — наложения душой знаков на вещество.

«Со своей же стороны, хочу высказать мысль, нуждающуюся в конкретном обосновании и представляющую скорее эвристическое начало. Это именно мысль о существовании в биосфере, или, может быть, на биосфере того, что можно было бы назвать пневмосферой, т. е. о существовании особой части вещества, вовлеченной в *круговорот культуры* или, точнее, *круговорот духа* (курсив мой. — Д. С.). Несводимость этого круговорота к общему круговороту жизни едва ли подлежит сомнению. Но есть много данных, правда, еще недостаточно оформленных, намекающих на особую стойкость вещественных образований, проработанных духом, например предметов искусства. Это заставляет подозревать существование и особой соответственной сферы вещества в космосе» (цит. по: [11, с. 588]).

Как ученый В. И. Вернадский в начатой после этого письма работе «Научная мысль как планетное явление» в качестве главного вещественного образования, проработанного духом, рассматривает не искусство, а научную мысль, впервые придавая ей, по сути, космопланетарный характер. Думается, что можно вести речь и о мысли в целом, раскрывающейся в различных типах рациональности: мифологической, религиозной, философской, художественной, к чему В. И. Вернадский приходит в последние годы жизни, и что, на наш взгляд, находит свое выражение в термине «научная вера».

Можно с достаточной уверенностью утверждать, что идея культурной биогеохимической энергии, которая появляется у В. И. Вернадского в середине 30-х годов, есть своеобразное развитие мыслей, высказанных П. А. Флоренским. «Эта форма биогеохимической энергии присуща не только *Homo sapiens*, но и всем живым организмам. Однако в них она является ничтожной по сравнению с обычной биогеохимической энергией и едва <...> сказывается в балансе природы, и то только в геологическом времени. Она связана с психической деятельностью организмов, с развитием мозга в высших проявлениях жизни и сказывается в форме, производящей переход биосферы в ноосферу только с появлением *разума*» [7, с. 127].

Как бы в ответ на мысли П. А. Флоренского о «космичности» биосферы в 1940 году В. И. Вернадский пишет: «Допускаю в Космосе существование живого вещества (может быть, с “разумом”) и полагаю, что наш человеческий разум не есть *конец* — (венец) — эволюционного процесса» [16, с. 39]. При этом, если жизнь понимать как совокупность реальных живых организмов, то «“космическая жизнь” (так понимаемая) не может дать “космического сознания”» [там же].

Именно идея пневматосферы явилась для В. И. Вернадского тем недостающим звеном, которое помогло ему перекинуть мост от биосферы в ноосферу, в которой определяющую роль играет человек как разумное живое вещество, созидающее культуру.

В работе «Научная мысль как планетное явление» мы обнаруживаем следующие строки: «Мы видим и знаем — но знаем бытовым, а не научным образом, что научная творческая мысль выходит за пределы логики (включая в логику и диалектику в разных ее пониманиях). Личность опирается в своих научных достижениях на явления, логикой (как бы расширенно мы ее ни понимали) не охватываемые.

Интуиция, вдохновение — основа величайших научных открытий, в дальнейшем опирающихся и идущих строго логическим путем, — не вызываются ни научной, ни логической мыслью, не связаны со словом и с понятием в своем генезисе.

В этом основном явлении в истории научной мысли мы входим в область явлений, еще наукой не захваченную, но мы не только не можем не считаться с ней, мы должны усилить к ней наше научное внимание.

Сейчас это область философских построений, кое-что выяснивших, но в общем область этих явлений находится в хаотическом состоянии» [7, с. 146]. В. И. Вернадский отводил научной интуиции важное место даже в собственных исследованиях. Так, у В. П. Зинченко мы находим интересное замечание: сам В. И. Вернадский писал, что он не знает, чем живое вещество отличается от неживого, но никогда не ошибается, отличая одно от другого [12, с. 50]. Действительно, в рамках биосферно-ноосферного видения мира

природа, человек — всё живое схватывается в восприятии целостно и практически мгновенно, симультанно.

В. И. Вернадский так описывает процесс «семиотизации» научного знания: «Мы видим только, что огромная область явлений, имеющих свой научно закономерный, теснейшим образом связанный с социальным строем, а в конечном итоге со строением биосферы — и еще более ноосферы — мир художественных построений, несводимых в некоторых частях своих, например в музыке или зодчестве, сколько-нибудь значительно к словесным представлениям — оказывает огромное влияние на научный анализ реальности» [7, с. 147]. Управление этим мало отражающимся в логике аппаратом познания для научного понимания реальности есть дело будущего науки.

В. И. Вернадский постоянно и упорно ищет научный выход, который бы совместил его биосферные искания с учением о ноосфере, которое он впервые озвучил в 1926 году. Эта тема не дает ему покоя. Особенно хорошо это видно из переписки ученого с коллегами, например с Б. Л. Личковым.

В 1940 году Вернадский пишет: «Пирс — сын знаменитого американского математика и сам крупный математик — считается одним из основателей прагматизма, но прагматистом он, очевидно, не является. Сейчас вышла впервые (он умер в 1914 г.) первая книга об его философии, и там она называется эмпирицизмом. Я ее выписал. Может быть, она окажется ближе к моим философским исканиям, чем философский скептицизм» [16, с. 11]. Забегая вперед, скажем, что термин «эмпирицизм» в отношении творчества Ч. С. Пирса не приживется и он станет известен как основоположник американской семиотической школы в философии.

В этот период творчества, который можно условно назвать «ноосферная (эйдетическая) семиотика», В. И. Вернадский тяготеет к иным формам эмпирических обобщений. Это уже не те формы, которые характерны для «Биосферы», трудов биогеохимической лаборатории, они гораздо глубже. Они касаются уже не биосферы с ее живым веществом, а ноосферы и ее разумного живого вещества. В 1940 году Вернадский пишет: «Я думаю, что бессловесно и бессознательно я в научной работе проникаю так глубоко, как не проникает философ и религиозный мистик-мыслитель, словесно мыслящие» [16, с. 40]. Вернадский подходит к познанию и пониманию феноменов, которые принципиально невербализуемы и в силу этого не могут быть предметом изучения «официальной» наукой. Именно здесь рождается столь дорогая уму и сердцу ученого ноосфера, которую он рассматривает исключительно как эмпирическое обобщение. На самом деле ноосфера у Вернадского предстает как обобщение эйдетическое, не столько логическое, сколько вне-рациональное, ощущаемое, понимаемое, но трудно выразимое.

Ноосфера в последних письмах и дневниковых записях мыслителя — некий символ, заклинание, знак. «На будущее я смотрю очень оптимистично. Ноосфера есть реальная вещь» — примерно в таком ключе заканчивается большинство последних писем В. И. Вернадского [16, с. 178]. Следует обратить внимание на тот факт, что ноосфера упоминается им чаще всего применительно к будущему как некое состояние-аттрактор, но вместе с тем и реальное.

Ноосфера — знак будущего, которое в некоторых своих ипостасях уже приоткрывается человечеству, при этом направляя развитие цивилизации по определенному руслу. В 1944 году Вернадский пишет Б. Л. Личкову следующие строки: «...я думаю, что ноосфера есть эмпирическое обобщение, которое должно выразиться в реальных формах» [16, с. 204]. Своеобразный

перечень этих реальных форм как «12 предпосылок ноосферы» представлен в статье А. Л. Яншина, включенной в книгу «Философские мысли натуралиста», вышедшую в 1988 году [20].

Ноосфера представляется Вернадскому реальностью потому, что она изменяет и направляет ход истории, как в рамках современных синергетических представлений будущее оказывает влияние на настоящее. Это ясно видно на примере отношения Вернадского к войне. Он считает (уже в самом начале боевых действий), что дело Гитлера безнадежно, но не в силу мощи Советского Союза и союзников, а по причине того, что Германия идет против стихийного геологического процесса, против ноосферы. «К большому для меня огорчению, я не могу здесь мотивировать во всей нужной силе вопрос о ноосфере, которую я считаю реальностью. Я думаю, что я прав. Этим объясняется моя полная уверенность в нашей победе и наступлении новой эры, если мы сделаем следствия из того, что происходит» [16, с. 118].

От эмпирики биосферы к эйдетике ноосферы

Проанализировав логику становления учения о переходе биосферы в ноосферу, можно выдвинуть предположение, которое объяснит отсутствие законченной концепции в этом вопросе. В. И. Вернадский опередил свое время не столько в метафорическом смысле этого выражение, сколько в общенаучном.

Он совершил своеобразную революцию в науке XX века: от *эмпирического* учения о биосфере, минуя *интуитивное* учение о семиосфере, он сразу перешел к *эйдетическому* учению о ноосфере. Это стало одновременно и исследовательской победой, и дало повод для критики «учения о переходе биосферы в ноосферу». Именно это превратило в умах некоторых ученых нашего времени сугубо научное открытие в мистическое предсказание, утопию с налетом религиозности.

В методологическом аспекте ученый прошел путь от понятия, суждения и умозаключения к ощущению, восприятию и представлению: от индукции и дедукции (что дало ему возможность создания биосферного естествознания), минуя аналогию (что не вылилось в обнаружение семиотической связи природы и культуры), до интуиции (что «превратило» биосферу в ноосферу).

Казалось бы, в размышлениях В. И. Вернадского «не достает» простой логики. На самом деле эта недостаточность связана не с «отсутствием логики», а с «измененной логикой» (по аналогии с «измененным состоянием сознания») — логикой не человека, но логикой самой жизни, самой биосферы. Исчезновение одного звена из логической цепочки *биосфера — семиосфера — ноосфера* привело к своеобразной аберрации, которая обусловила, в конечном счете, возникновение искаженной картины современной реальности у человека, привыкшего в «правильном» мышлении традиционно обращаться к логике «формальной».

Учение о знаках (семиосфере), как оно рождается во второй половине XX века, есть тот инструментарий, с помощью которого человечество в целом и каждый индивид в отдельности могут почувствовать и увидеть ноосферу. По меткому выражению Т. А. Себеока, «семиотика никогда не рассказывает, чем является мир сам по себе, но описывает, что мы можем знать о нем; другими словами, предмет описания семиотической модели — не реальность как таковая, а природа, приоткрытая в результате человеческого познания» [18, с. 33]. «Сквозь стекло смутно» обнаруживая и верно трактуя знаки разного уровня в

рамках нашей космопланетарной системы, человечество, само того не сознавая, выступает творцом ноосферы, модели ноосферно-семиотического видения мира.

Знак в работах Вернадского принимает последовательно три обличия, которые формируют и соответствующие семиотические уровни проникновения в реальность: обличье прошлого (кристаллы и минералы), обличье настоящего (живое вещество и биосфера) и обличье будущего (разумное живое вещество и ноосфера). Он начинает с минералов — знаков прошлого, затем переходит к биосфере — знакам настоящего и в итоге приходит к ноосфере — знаку будущего.

Сознание В. И. Вернадского, основания которого следует искать в его детстве, в его воспитании и образовании (самообразовании), прошло долгий путь: возникнув как сознание семиотическое, оно выросло до сознания семиологического, трансформировавшись впоследствии в семиосознание. Семиосознание В. И. Вернадского не есть простая сумма семиотического сознания и семиологического сознания. При синтезе этих двух структурных элементов у сознания возникает свойство, которое напрямую не выводимо из свойств его составных частей.

Соответственно, реконструируются три этапа творческого пути В. И. Вернадского. Первый этап — геологическая (натурфилософская) семиотика — охватывает период с окончания университета до 1920 года и связан с формированием семиотического сознания. Второй этап — биосферная (эмпирическая) семиотика — реализуется в рамках начала 1920-х и середины 1930-х годов и предполагает возникновение семиологического сознания. Третий этап — ноосферная (эйдетическая) семиотика — занимает последние годы жизни мыслителя и соответствует уровню семиосознания в целом.

Именно внутренняя связь биосферного, семиосферного и ноосферного аспектов в творчестве В. И. Вернадского позволили Вяч. Вс. Иванову сформулировать основные принципы современной ноосферологии, в которых утверждается представление о том, что «единство современного знания обнаруживается <...> в сходстве принципов, определяющих вектор последующего развития: антропного принципа в физике, согласно которому значения космологических параметров уникальным образом благоприятны для развития жизни и разума; принципа Дана—Вернадского, по которому в ходе геологического времени непрерывно изменяется в сторону усложнения центральная нервная система (мозг); наконец, предложенного в последнее время семиотического принципа, согласно которому, в конечном счете, (при наличии тупиковых ветвей и длительных остановок, а также циклов, известных и в других сферах эволюции) в истории культуры отбираются именно те знаковые системы и тексты, которыми развитие человечества направляется в сторону ноосферы (в понимании П. Тейяра де Шардена и В. И. Вернадского)» [14].

Процесс перехода биосферы в ноосферу, рассмотренный через призму семиотики и представлений о знаках Вселенной, оказывается адекватным кластеру принципов современного естествознания, дающему возможность понимания и объяснения путей развития человеческой цивилизации в рамках современных глобализационных процессов.

Семиосознание и семиотическое мышление Вернадского позволяют говорить не только о научном и религиозном, но и образном, знаковом и символическом понимании ноосферы, что обеспечивает глубинные формы ноосферного дискурса. Семиосознание помогает более глубоко понять процессы формирования ноосферы и саму *ноосферу как непостижимое* не только в контексте XX, но и в контексте наступившего XXI века.

Библиографический список

1. Аксенов Г. П. Вернадский. М., 2001.
2. Аксенов Г. П. В. И. Вернадский о природе времени и пространств : историко-научное исследование. М., 2006.
3. Баландин Р. К. В. И. Вернадский. М., 1987.
4. Баландин Р. К. Поиски истины : жизнь и творчество В. И. Вернадского. М., 1983.
5. Вернадский В. И. Биогеохимические очерки, 1922—1932 гг. М. ; Л., 1940.
6. Вернадский В. И. Дневники: 1926—1934. М., 2001.
7. Вернадский В. И. Научная мысль как планетное явление. М., 1991.
8. Вернадский В. И. Проблемы биогеохимии. М., 1980.
9. Вернадский В. И. Труды по истории науки в России. М., 1968.
10. Вернадский В. И. Химическое строение биосферы Земли и ее окружения. М., 1987.
11. Владимир Вернадский : жизнеописание, избранные труды, воспоминания современников, суждения потомков. М., 1993.
12. Зинченко В. П. Психологическая педагогика : материалы к курсу лекций. Самара, 1998. Ч. 1 : Живое знание.
13. Иванов Вяч. Вс. Избранные труды по семиотике и истории культуры. М., 1990. Т. 1.
14. Иванов Вяч. Вс. О выборе веры в Восточной Европе. URL <http://www.paganism.ru/choise-f.htm>.
15. Мочалов И. И. Владимир Иванович Вернадский, 1863—1945 гг. М., 1982.
16. Переписка В. И. Вернадского с Б. Л. Личковым (1940—1944). М., 1980.
17. Пирс Ч. С. Избранные произведения. М., 2000. [*Peirce Ch. Collected papers. Cambridge: Harvard Univ. Press, 1931. Vol. 1 : Principles of philosophy. 393 p.*]
18. Себеок Т. А. Культура и семиотика : учение о знаках // Философия языка и семиотика. Иваново, 1995.
19. Сиверц ван Рейзема Я. В. Философия планетаризма : планетарный разум земной цивилизации. М., 2005.
20. Янин А. Л. Учение В. И. Вернадского о биосфере и переходе ее в ноосферу // Вернадский В. И. Философские мысли натуралиста. М., 1988.

ББК 87.812.2

*М. Ю. Тимофеев***ПРАКТИКИ ВИЗУАЛИЗАЦИИ РУССКОСТИ
В СССР НА РУБЕЖЕ 1930—1940-х ГОДОВ**

В 1960-е советскими были и Пушкин, и Пугачёв, и Илья Муромец, утверждали известные публицисты Петр Вайль и Александр Генис. «“Советский”, “русский”, “хороший”, “наш” — всё это синонимы», — писали они [1, с. 113—114]. В настоящей статье будет рассмотрено то, каким образом происходило включение символического визуального ряда «русскости» в контекст «советскости» в конце 1930-х — начале 1940-х годов.

Следует уточнить, что следует понимать под понятиями «русскость» и «советскость». Из многочисленных значений слова «русскость» актуальными для рассматриваемой темы являются два. Во-первых, этничность как соотнесенность с русским этносом, народом, т. е. характеристиками, которые используются для идентификации определенной группы — русских. Во-вторых, совокупность характеристик этой этнической группы, отсылающая к истории России до Петровских реформ. «Русскость» и «советскость» будут

© Тимофеев М. Ю., 2009